

УДК 821.161.1(092)Бродский И.А.
ББК 83.3(2-411.2)6-8Бродский И.А.
Х99

Хэвен, С.Л.

Х99 «Человек, первым открывший Бродского Западу»: Беседы с Джорджем Клайном / Синтия Л. Хэвен; пер. с англ. С. Силаковой. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 240 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-2295-1

«Ахматова открыла Бродского России, но Западу его открыл я», — писал Джордж Л. Клайн, переводчик стихов нобелевского лауреата, славист и преподаватель философии в колледже Брин Мор. Книга Синтии Л. Хэвен — это рассказ о совместной работе Клайна и Бродского на основе бесед с переводчиком и его личного архива. Воспоминания Джорджа Клайна об авторе «Части речи» и «Урании» охватывают период с его знакомства с поэтом в 1967 году и почти до самой смерти Бродского; некоторые свидетельства мемуариста носят уникальный характер. Книга знакомит читателя с обстоятельствами публикации первого англоязычного сборника Бродского «Selected poems» («Избранные стихотворения»), существенно повлиявшего на его литературную карьеру на Западе, а также реконструирует историю последующих взаимоотношений поэта и переводчика. Книга дополнительно включает в себя как стихотворения Бродского и Томаса Венцловы в переводе Джорджа Л. Клайна, так и несколько стихотворных поздравлений самого переводчика, адресованных Бродскому. Синтия Л. Хэвен — филолог, журналист, автор книги «Эволюция желания. Жизнь Рене Жирара», вышедшей в «НЛО».

УДК 821.161.1(092)Бродский И.А.
ББК 83.3(2-411.2)6-8Бродский И.А.

На обложке: портрет Дж. Клайна по мотивам фотографии из Harvard Book Review, 1974 г.

© Cynthia L. Haven, 2021
© С. Силакова, перевод с английского, 2024
© С. Тихонов, дизайн обложки, 2024
© 000 «Новое литературное обозрение», 2024

Содержание

Введение. Поклониться двум теням	7
Глава 1. Роман с русским языком	19
Глава 2. Ленинградский поэт и «царственный подарок»	23
Глава 3. Неужели КГБ оберегал русскую поэзию?	47
Глава 4. Поэт в изгнании: «Здесь и скончаю я дни...»	68
Глава 5. Правило «хорошего словаря»	109
Глава 6. Клайн принимает вызов	131
Глава 7. «Колыбельная», «Бабочка» и непере译имое стихотворение	157
Глава 8. «Чем вы занимались на Второй мировой войне?»	187
Глава 9. Стихотворения Иосифа Бродского в переводе Джорджа Л. Клайна	201
Глава 10. Томас Венцлова, «In Memory of a Poet: Variation on a Theme» (перевод Джорджа Л. Клайна)	216
Глава 11. Стихи на случай. Джордж Л. Клайн, Иосиф Бродский	219
Опубликованные переводы стихов Иосифа Бродского, выполненные Джорджем Л. Клайном: библиография	222
Хронология жизни и деятельности Джорджа Л. Клайна	227
Послесловие	234
Благодарности	237

Введение. Поклониться двум теням

Джордж Л. Клайн перевел на английский больше стихов нобелевского лауреата Иосифа Бродского, чем кто бы то ни было, за исключением самого автора. В беседе со мной Клайн назвал себя «первым серьезным переводчиком Бродского». Этот славист и преподаватель философии (в колледже Брин Мор он занимал кафедру философии имени Милтона Ч. Нама) был скромным и застенчивым человеком, но в определенных случаях проявлял не меньшую прямоту и непреклонность, чем Бродский. В 1994 году он обронил в личном письме: «Ахматова открыла Бродского России, но Западу его открыл я»¹. А в 1987-м написал: «На Западе я первым распознал в нем крупного поэта и первым перевел его произведения *in extenso*»². Это истинная правда. Вдобавок Клайн, в отличие от большинства переводчиков Бродского, свободно говорил по-русски.

Первая книга Бродского, изданная в Америке, — Joseph Brodsky. Selected Poems³ («Иосиф Бродский: Избранные стихотворения»), вышедшая в 1973-м, — изменила и жизнь поэта, и мою собственную жизнь. А ведь все, что в нее вошло, перевел Клайн. Эти размышления о времени, внутренней жизни, страдании, отчуждении и даже искуплении брали высокую ноту — на несколько октав выше, чем типичные для тогдашней американской поэзии нарциссические верлибры, эти занудные повествования о себе любимом. Книга обеспечила Бродскому читательскую аудиторию на Западе и, словно дуновение свежего ветра, распахнула окно на Восток. Я училась у Бродского

¹ Дж. Л. Клайн — Марку Бутс-Эбенфилду, 1994. Из личного архива Джорджа Клайна.

² Дж. Л. Клайн — Кристине Нюландер, 24 ноября 1987 года. Из личного архива Джорджа Клайна.

³ Brodsky J. Selected Poems. Harmondsworth: Penguin, 1973. В январе 1974 года издательство «Харпер энд Роу» выпустило издание в твердом переплете.

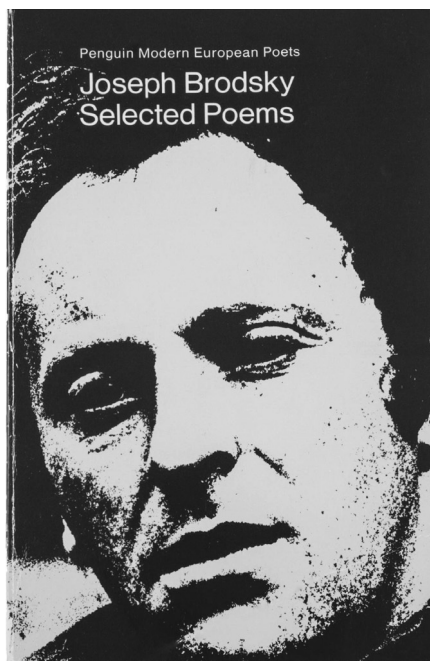
в Мичиганском университете, и этот опыт в большой мере сформировал мою личность, как было и с многими другими из его питомцев, пришедшими в литературу по его стопам.

Здесь вы прочтете историю о том, как появился вышеупомянутый сборник Бродского и что произошло в последующие годы. На этих страницах впервые рассказано во всей полноте о совместной работе Клайна и Бродского на протяжении трех десятков лет¹.

Когда ты открываешь для себя какого-то зарубежного поэта, первый прочитанный перевод оставляет неизгладимый отпечаток, и потому я вынуждена сознаться в необъективности — ведь впервые я прочла Бродского как раз в переводах Клайна. Но мои предпочтения не во всем субъективны, а их со мной разделяют другие: эти переводы произвели большое впечатление на весь англоязычный мир. А еще стали trampлином для ошеломительной, абсолютно нешаблонной литературной карьеры Бродского на Западе. Впоследствии случалось, что о переводах Клайна отзывались пренебрежительно, в большинстве случаев — из-за немногочисленных огрехов, хотя безупречных переводов, в сущности, не существует. (На закате жизни Клайн задумывался о новом издании «Selected», куда должны были войти переработанные им самим старые переводы и несколько новых. Идея не осуществилась.) Но чаще переводы Клайна просто оставались в тени в период, когда переводить Бродского взялись более известные поэты и переводчики. Клайн, разумеется, не был суперзвездой от поэзии — фигурой типа Ричарда Уилбура, Шеймаса Хини или Энтони Хекта, которые тоже переводили стихи Бродского, хотя, в отличие от Клайна, русским языком не владели. Клайн был ученым-славистом, серьезно интересовавшимся поэзией. Книга, которую вы сейчас держите в руках, свидетельствует, с какой самоотдачей этот профессор философии занимался переводом, и решительно подчеркивает: его стихотворные переводы — не блажь дилетанта. Значимость переводов Клайна не исчерпывается тем, что это первые переводы Бродского на английский; главное, что переводчик старался, часто с поразительной чуткостью и на редкость удачно, сохранить (как и хотелось Бродскому) метрическую схему и систему рифм оригинала.

Когда в студенческие годы я упоенно читала книжечку со стилизованным лилово-зеленым портретом на обложке, мне было ничего не известно о ее переводчице Джордже Л. Клайне. Но именно эта

¹ Эта работа велась со значительными перерывами. — *Прим. пер.*

книга, этот переводчик и этот поэт вдохновили одно из самых грандиозных приключений в моей жизни. Из нас троих получилась бы несусветно разномастная троика — мы во всем несхожи, будь то темперамент, образование, перипетии дружбы или летопись разрывов. Джордж отличался педантизмом, сдержанностью, железной принципиальностью; Бродский — несомненный гений и человек-фейерверк — был на короткой ноге с ведущими деятелями культуры своей эпохи. Бродскому и Клайну посчастливилось найти друг друга, но по характеру они были полными противоположностями. А я появилась на этой арене спустя несколько десятков лет, взявшись писать книги о них обоих; но вообще-то я неоспоримо — одна из тех девушек, которых Бродский в 1972 году вывел в стихотворении «В Озерном краю»¹.

Я ни разу не встречалась с Джорджем лицом к лицу, но он вошел в мою жизнь и регулярно давал о себе знать. Знакомство завязалось после выхода моей книги «Иосиф Бродский: разговоры» в 2002 году: для меня она стала пропуском в мир бродсковедения. Вскоре после публикации я получила письмо на нескольких

¹ Ср.: «я жил / в колледже возле Главного из Пресных / озер, куда из недорослей местных / был призван для вытягиванья жил». — *Прим. пер.*

страницах, содержавшее *corrigenda*¹. Позднее я обнаружила: всякий, кто написал или опубликовал в любой точке планеты что-нибудь, связанное с Иосифом Бродским, мог ожидать письма с таким же перечнем вездливых и вдумчивых поправок. Клайн был дотошен, занимал нейтральную позицию, подходил к делу научно — а также приветствовал и поощрял чужие начинания.

Как написал на страницах «Славик ревью»² его коллега Филип Гриер, «Джордж Клайн был исключительным образцом *humanitas*³: доброты, высокой культуры, утонченности». Исследователь творчества Бродского Захар Ишов сказал мне, что Клайн «был *приличным человеком*», причем не в пресном и выхолощенном значении этого выражения, а в том смысле, что сегодня приличные люди — «уходящая натура».

Мы, исследователи наследия Бродского, в огромном долгу перед Клайном вне зависимости от того, где мы живем и далеко ли мы продвинулись в своей профессиональной карьере. Переводчики вообще перед ним в огромном долгу. Он поощрял всех исследователей и переводчиков, даже начинающих и слабо подготовленных к работе, за которую они дерзали браться⁴. Когда его пригласили в жюри переводческой премии «Компас», под эгидой журнала «Стороны света», он написал русскому поэту и переводчику Ирине Машинской письмо, ярко свидетельствующее о его великодушии и чувстве справедливости. 21 января 2012 года Клайн написал ей:

Как вы наверняка знаете, в прежние времена, когда объявляли лауреатов кинопремий («Золотого глобуса», «Оскара»), звучала формулировка: «And the winner is...»⁵ Но в последние годы ее заменили — и правильно сделали — на «And the Golden Globe [or Oscar] goes to...»⁶. Русское слово *pobeditel'*, употребленное вами в прошлом году, звучит еще сильнее,

¹ Список ошибок, список исправлений (*лат.*). — *Прим. пер.*

² *Grier Ph. T. George L. Kline, 1921–2014 // Slavic Review. 2015. Vol. 74. No. 1. P. 233–235.*

³ Гуманность, образованность, воспитанность (*лат.*). — *Прим. пер.*

⁴ Он и меня убеждал совместно осуществить амбициозную затею — перевести «Разговор с небожителем». Для меня это была большая честь, которой я совсем не ожидала, но план не осуществился: мы оба были слишком загружены текущими проектами и обязанностями.

⁵ «А победителем стал...» (*англ.*). — *Прим. пер.*

⁶ «А „Золотой глобус“ [„Оскара“] получает...» (*англ.*). — *Прим. пер.*

чем «winner»; во мне оно рождает ощущение, что те, кому премию не дали, не просто «проигравшие», а «разгромленные». Почему бы не написать просто: «Поздравляем с тем, что жюри выбрало ваш перевод»? А остальным написать так: «К нашему огромному сожалению, жюри не выбрало ваш перевод». Обе формулировки смягчили бы суровый образ соперничества, порожденный терминами «winners» и «losers»¹.

Книга «Человек, первым открывший Бродского Западу»² — дань уважения Клайну и подарок ему от всех нас: от победителей, проигравших и всех остальных.

* * *

Шли годы. Время от времени, обычно на рождественских праздниках, я звонила Джорджу Клайну. Он ежегодно присылал мне подробное письмо с поздравлениями от всей семьи. Но о своей профессиональной деятельности сообщал лишь мельком — просто делился новостями о родных, о поездках, о состоянии здоровья членов семьи, особенно его обожаемой жены Джинни и их тяжелобольной дочери, которую в семье называли «Заинька». Чтобы узнать новости о его научной работе (о том, что он перерабатывает старую статью или готовит к публикации новое исследование), мне приходилось звонить по телефону в город Андерсон в Южной Каролине, где Клайн обосновался на пенсии.

В 2012 году я, как обычно, позвонила ему на праздниках. Мы давненько не беседовали, так что обменялись новостями о своих статьях и книгах. Разговор продлился недолго: Клайн внезапно, с неожиданной твердостью, объявил: «Мне пора заканчивать».

«Хорошо, Джордж. Но в чем дело?»

«Мы разговариваем уже двенадцать минут».

«Ну да, а что в этом такого?»

И тогда он сказал, неспешно выделяя голосом каждое слово: «Мне, знаете ли, девяносто два года».

Но я этого не знала. Откуда я могла бы это узнать? Мы ни разу не встречались лицом к лицу. Насколько помню, к тому времени я ни

¹ «Победители» и «проигравшие» («неудачники») (англ.). — Прим. пер.

² Название книги в оригинале на английском: «The Man Who Brought Brodsky into English». В вольном переводе — «Человек, с чьей легкой руки поэзия Бродского звучала на английском». — Прим. ред.

разу не видела фотографий Джорджа. Я знала, что он уже в почтенном возрасте, но и подумать не могла, что имею дело с девяностолетним старцем: это никак не вязалось с его образом в моей голове; но в день нашей телефонной беседы Джорджу было без нескольких месяцев девяносто два.

Идея собрать воедино его воспоминания возникла у меня сразу после знакомства. Но в ту пору я взялась работать над книгой, в итоге озаглавленной «Эволюция желания: жизнь Рене Жирара», — биографией французского теоретика и моего доброго друга¹. А еще, параллельно, только-только затеяла в Стэнфордском университете новаторскую программу коммуникационных исследований. И все же я со всей очевидностью поняла, что неблагоприятно откладывать совместную работу с Клайном на будущее. Я должна была этим заняться не только в своих интересах, но и в интересах ученых всего мира — тех, кто руководствовался наставлениями Клайна, шлифовал свои труды благодаря его безупречно верным поправкам и рекомендациям, ориентировался на его педантичные критерии.

В январе 2013 года мы приступили к совместной работе. Я брала интервью у человека, чье слабое здоровье не позволяло ему беседовать со мной дольше двадцати минут, да и то утром, на свежую голову. (Иногда он вообще был не в силах разговаривать, а в одно счастливое утро мы болтали около сорока минут.) Дожидаться более удачного момента не было возможности. Он со свойственным ему стоицизмом приравнивался к существующим обстоятельствам, довольствуясь достижимым вместо того, чтобы тосковать о недостижимом идеале. Мы оба сознавали: другого шанса у нас не будет.

Интервью продолжались несколько месяцев и заняли несколько сотен страниц. Работа была «захватывающая, но часто трудная и изнурительная», — написал Клайн в письме Ишову. Беседы изобиловали повторами: мы обсуждали второстепенные события или фигуры, состояние здоровья Клайна, назначали дату и время следующего телефонного разговора; но за эти несколько месяцев я мало-помалу узнала его натуру: он был наделен мужеством и чувством чести, в научной работе щепетилен. Из-за его манеры говорить — иногда робко рассказывал маленькие анекдоты с несмешными концовками, в некоторых случаях по два раза, чтобы собеседник уразумел, в чем

¹ Рене Жирар — известный французский антрополог и теоретик литературы. — *Прим. ред.*

соль, — казалось, будто Джордж был не ко двору в мире Бродского, где царили интеллектуальный блеск и языковая акробатика. Сам Клайн говорил, что вошел в этот мир, потому что был лишен «поэтического самолюбия», мог переводить, опираясь на русский текст, а также не пытался навязывать свои формы строгим кадансам, рифмам и неточным рифмам, замысловатым метрическим структурам оригинала. А еще я узнала, что терпение уживалось в Клайне с раздражительностью. Мне открылось, что в душе этого степенного унитарianца¹ таится глубокая религиозность, что с поэтом его роднит особое мироощущение — оба видели в окружающем их мире нечто священное. А еще, со временем, я узнала, что гордость Джорджа была уязвлена.

В этих беседах он поведал мне о встрече с поэтом, кардинально изменившей его жизнь, о своих столкновениях с КГБ (не к ночи будь помянуто это ведомство) и о других подробностях своей дружбы с Бродским — о вещах, которые дотолле оставались не описанными в литературе или малоизвестными. Рассказал, как великодушно среагировал поэт в 1974 году в ситуации, когда его «распригласили» организаторы фестиваля в итальянском Сполето, поддавшись шантажу советских властей. И о белых ночах в июне 1968-го, когда Бродский взял напрокат лодку и в предрассветный час прокатил Клайна по Фонтанке. И об октябре 1987 года, когда стало известно, что Бродский удостоен Нобелевской премии, и Клайн позвонил ему в Лондон и сказал: «Поздравляю вас, Иосиф!» Бродский ответил: «Поздравляю и вас, Джордж!»

А еще я больше узнала о его героических подвигах: мы коснулись этого в интервью, хотя скромность удерживала Джорджа от подробных рассказов. Он участвовал во Второй мировой войне — был штурманом-бомбардиром на «Б-24», совершил, выполняя важные задания, пятьдесят боевых вылетов с аэродромов Италии и был награжден «Крестом за выдающиеся летные заслуги».

Он поведал, что Бродский все активнее настаивал на собственных вариантах переводов и в конце концов, так сказать, умчался своей дорогой, оставив слависта в прошлом; теперь поэт предпочитал работы других переводчиков и прекратил сотрудничество с Клайном; сам Клайн видел причину в своей неуступчивости. Отчасти Клайн сам предвидел такой исход. Еще до приезда Бродского в США Клайн заметил в письме: «Я не из тех переводчиков, которые смотрят на

¹ Унитарianство — движение в протестантизме, отвергающее догмат о Святой Троице. — *Прим. ред.*

автора как на свою собственность, и ничуть не сомневаюсь — когда-нибудь другие переведут Бродского удачнее, чем сумел я. Я приветствую плюрализм при англоизировании любого зарубежного поэта»¹. Хотя Клайн чувствовал себя обойденным, их дружба продолжалась до конца дней Бродского, да и совместная работа тоже. Клайн присутствовал на последнем дне рождения поэта; спустя полгода с лишним Бродский скончался.

В пору совместной усердной работы у нас возник более масштабный замысел. Затеялась надежда, что эти беседы в отредактированном и сгущенном виде образуют книгу, которая дополнит устную историю жизни Иосифа Бродского, всеобъемлюще составленную Валентиной Полухиной, — двухтомник «Иосиф Бродский глазами современников»². У большинства других людей, сыгравших важную роль в жизни Бродского, взяли интервью для двухтомника, а вот у Джорджа Клайна не взяли.

Времени у нас оставалось все меньше. В телефонных разговорах — а Клайн регулярно делал паузы, чтобы для поддержания сил глотнуть воды или отдышаться, — мало-помалу появились и другие, более длительные перерывы: Клайн отлучался проверить, как самочувствие у его обожаемой жены и дочери. Его силы иссякали, и он убеждал меня использовать его статьи прошлых лет для восполнения пробелов в наших интервью, поскольку при беседах мы не затронули ряд стратегически важных частей его истории.

А будущее таяло на глазах. Джинни госпитализировали, и Джорджу в очередной раз пришлось повременить с осуществлением наших планов: он хлопотал по дому, ухаживал за женой и доделывал к сроку другие научные работы. 5 апреля 2014 года Джинни скончалась, и мне показалось, что Джордж тоже начал угасать. Его здоровье резко пошатнулось, но он все время твердил, что скоро вернется к нашей затее. Спустя полгода, 21 октября, он умер.

Наш совместный проект, задуманный, чтобы поклониться тени ушедшего, теперь пришлось завершать мне одной. И теперь мой долг — поклониться двум теням.

¹ Письмо к Элизабет Крей, исполнительному директору Академии американских поэтов, от 2 июля 1972 года. Из личного архива Джорджа Клайна.

² Русскоязычное издание состоит из трех книг, последняя составлена из интервью, взятых Валентиной Полухиной во второй половине 2000-х годов; см.: *Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга третья (2006–2009) /* Ред. Я. А. Гордин. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2010. — *Прим. пер.*